

А Р Т Ё М Р А Д И Н

ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ЖИВЁТ

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Артём Радин

Здесь никто не живёт

«Автор»

2026

Радин А.

Здесь никто не живёт / А. Радин — «Автор», 2026

Инженер Павел Лебедев приезжает обследовать старый дом перед сносом и находит квартиру, которой нет на планах. За дверью горит свет, хотя электричество давно отключено. Пожилая женщина называет его Пашей и протягивает детскую фотографию: на ней он стоит рядом с мальчиком, которого не помнит. Женщина уверяет, что это его брат. Тридцать два года назад Сергей исчез в этом доме. Павел начинает искать следы его исчезновения в архивах и семейных бумагах, но всё чаще сталкивается с людьми, которые забывают то, о чём говорили ещё вчера. Мать хранит маленький ключ и отказывается объяснять, какую дверь он открывает. А из пустого по документам дома доносится стук. На площадке уже стоит экскаватор. Чтобы добраться до брата, Павлу придётся узнать, кто оставил его за стеной и почему семья согласилась об этом забыть. Если дом снесут раньше, спрашивать будет не у кого.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвёртая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Артём Радин

Здесь никто не живёт

Глава первая

Когда Марина позвонила второй раз, Павел стоял перед домом и тёр большим пальцем белую полосу на рукаве. Он испачкался ещё в машине, когда потянулся за папкой и задел курткой дверную обшивку, но заметил соль только здесь, при дневном свете. За четыре зимы с неплотно закрывающимся окном обшивка пошла пятнами; в августе Павел даже купил новый уплотнитель, который с тех пор ездил с ним в багажнике, под насосом и пустой канистрой.

— Ты забрал лекарство? — спросила Марина, едва он ответил.

Он посмотрел на часы и сказал, что заберёт вечером, хотя уже по её голосу понял: вечер по какой-то причине не годится. Оказалось, заказ держали до двенадцати, о чём она говорила ему вчера, когда он сидел на кухне с ноутбуком. Павел смутно помнил этот разговор; тогда он обещал заехать по дороге, а утром, выезжая со двора, думал о заключении, которое нужно было переделать после замечаний заказчика, и повернул в другую сторону.

— Я здесь на час, не больше, — сказал он. — Закончу и сразу в аптеку.

Марина помолчала. В трубке скрипнула кухонная дверца, и Павел представил, как жена достаёт кофе, ставит у окна большую кружку со стёртым названием города и оглядывается на часы над холодильником. Раньше они завтракали вместе, но после его ухода из управления в частную контору рабочий день стал начинаться то в половине шестого, то в десять, и постепенно Марина перестала спрашивать, будет ли он утром дома. Он сам хотел этого перехода: меньше согласований, больше настоящей работы, деньги получше. О том, как изменятся их утра, никто из них тогда не подумал.

— Только не оставляй пакет в машине, как на прошлой неделе. И поставь напоминание, Паш, пожалуйста. Сейчас поставь, а то опять забудешь.

Он зажал телефон между плечом и ухом, открыл календарь и набрал «Лекарство. 11:30». Влажный палец скользил по экрану, вместо единицы дважды выскочила двойка, и, пока он исправлял время, Марина терпеливо ждала. Павел сказал, что всё готово, пообещал позвонить из аптеки и после разговора ещё некоторое время смотрел на запись. Можно было съездить туда сначала, но ключи от дома ему должны были передать в девять, а Володя, начальник участка, при случае припоминал даже пятиминутное опоздание. Павел убрал телефон и достал из машины папку.

Дом на Лесной, двадцать четыре, оставался последним нерасселённым до конца зданием на площадке будущего торгового центра. Жильцы остальных трёх домов съехали ещё в июне, а здесь всё затянулось из-за пожилой женщины, которая отказывалась принимать предложенную квартиру. Сначала ей давали однокомнатную вместо двухкомнатной, потом нашли двухкомнатную, но на пятом этаже без лифта, и после каждого предложения в управление приходило очередное письмо. Павел узнал об этом, когда получал заказ на обследование; сотрудница, передававшая документы, пожаловалась, что от этих писем у неё уже рябит в глазах. Сам он их не читал и теперь не мог вспомнить, говорила ли она, чем дело закончилось.

Над входом висела свежая табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН», стекло в нижней части двери заменили фанерой, а за домом по сухим листьям тянулся шланг от компрессора. У бытовки курил человек в короткой стёганой куртке; увидев Павла с папкой, он сам пошёл навстречу и по дороге полез в карман за ключами. Вместе со связкой вытащился сложенный чек, который он раздражённо стряхнул с пальцев и запихнул обратно.

— Маленький от подвала, большой от подъезда, — сказал он. — Только верхний замок не трогайте, ондохлый. Там нижний работает.

Павел спросил, скоро ли будет Володя, и узнал, что тот сидит в администрации и приедет к десяти. Это было обидно: он вполне успел бы в аптеку, если бы заранее знал, что начальника не будет. Пока человек доставал из бытовки журнал выдачи ключей, Павел обошёл угол дома, проверил, свободен ли подход к подвальному окну, и на обратном пути спросил про коммуникации.

— Воду вчера перекрыли, электричество ещё в понедельник, — ответил человек, расправляя журнал на капоте. — У нас от щита времянка, но в дом ничего не идёт. Если розетка понадобится, у бытовки удлинитель возьмёте.

Бумага в журнале отсырела, и ручка оставила вместо подписи бледную бороздку. Павел обвёл фамилию ещё раз, вернул ручку и уточнил, сможет ли попасть во все квартиры. Оказалось, что двери уже открыли: где нашлись ключи, обошлись без слесаря, остальные замки сняли. Человек посоветовал тянуть полотна на себя, потому что от сырости их повело, и собрался уходить, но Павел задержал его вопросом о последней жительнице.

— Женщину, которая переезжать не хотела, давно вывезли?

Тот остановился с журналом под мышкой и посмотрел на окна, будто ожидал увидеть её там.

— Не знаю. Я с прошлой недели здесь, при мне уже никого не было. Вы у Володи спросите, он этим занимался.

В подъезде пахло мокрым деревом и старой капустой. Павел задержался у двери, давая глазам привыкнуть, затем включил фонарь. На стене напротив висел почтовый ящик — один длинный металлический короб с двенадцатью дверцами. Четыре дверцы были открыты, из пятой торчал край рекламной газеты. Под ящиками на полу лежала детская варежка, затвердевшая от грязи.

Он раскрыл план первого этажа. Четыре квартиры вокруг лестницы, несущие наружные стены, продольная внутренняя; в подвале надо проверить опоры и два участка перекрытия, на которых управляющая компания отмечала трещины. Отдельно заказчик просил заключение по возможности сохранить кирпич для повторного использования. Кирпич здесь был хороший, довоенный, но Павел знал, как такие просьбы обычно заканчивались: экскаватор ломал стену, ковш подавал её самосвалу, и заключение оставалось лежать в папке.

За первой дверью стоял разобранный шкаф. Кто-то забрал полки и заднюю стенку, оставив тяжёлые боковины прислонёнными друг к другу. В кухне сняли мойку; из стены торчала труба с чёрной заглушкой. Павел сфотографировал раскрытие трещины над окном, приложил линейку, сделал второй снимок. На обоях сохранился чистый прямоугольник там, где когда-то висел календарь.

Всё это он видел десятки раз. Пустая квартира редко казалась пустой сразу: некоторое время в ней ещё различалось, где люди сидели, куда ставили обувь и какой дверью пользовались чаще. Следы исчезали после первого дождя через разбитое окно или после прихода рабочих, которым нужно было устроить место для инструмента.

В третьей квартире осталась ванна, полная картофельной шелухи. Павел снял её, чтобы потом показать Володе, но, посмотрев на фотографию, убрал телефон: объяснять всё равно придётся, а смешного в этом оказалось меньше, чем ему показалось, когда он открыл дверь. Он закончил с первым этажом, отметил на плане две трещины и поднялся по лестнице, придерживая папку локтем.

Наверху было светлее. После сноса соседнего здания солнце попадало прямо в лестничное окно, освещая пыль на ступенях и снятую раму, которую кто-то оставил поперёк площадки. Переступив через неё, Павел перевернул лист и пошёл по правому коридору к торцевой стене. Он уже собирался заглянуть в ближайшую квартиру, когда заметил, что до конца коридора

почему-то ещё далеко: на плане от лестницы до стены было чуть больше пяти метров, а здесь он прошёл по меньшей мере семь, и дверь впереди оставалась в нескольких шагах.

Сначала Павел решил, что взял не тот лист. Он вернулся к окну, разложил бумаги на подоконнике и проверил адрес в штампе, затем обозначение этажа, хотя прекрасно знал, что поднялся только на один этаж. Всё совпадало. В ксерокопии инвентарного дела размеры местами были затёрты, но нужная цифра читалась хорошо: пять метров двадцать сантиметров от лестничного ограждения до торцевой стены. Павел достал дальномер, направил его в конец коридора и получил восемь сорок. Он сменил точку отсчёта на приборе, чтобы исключить собственную ошибку, и измерил ещё раз; результат остался прежним.

С такими планами случалось всякое. Павел встречал пристройки, забытые при последней инвентаризации, кухни на месте лестниц и перегородки, которые числились несущими только потому, что пятьдесят лет назад кто-то провёл слишком жирную линию. Обычно стоило найти исходную ошибку, и остальное вставало на место, но лишние три метра коридора требовали другого объяснения. Он приложил к листу план первого этажа, потом третьего, совмещая контуры по лестнице и наружным стенам. На бумаге дом оставался одинаковым на всех трёх уровнях; здесь же коридор продолжался там, где уже должна была находиться улица.

В конце стояла дверь с маленькой эмалированной семёркой, хотя квартиру с тем же номером Павел видел слева от лестницы. Там цифру написали маркером на фанере поверх старой краски, так что с нумерацией ещё можно было разобраться: при перedelке коммуналки номера иногда оставляли и на общей двери, и на одной из внутренних. Он решил осмотреть дальнюю квартиру, а потом спуститься и промерить весь дом снаружи. Для заключения ему в любом случае нужны были настоящие размеры, и стоять над ксерокопией дальше не имело смысла.

Дверь отличалась от остальных не столько возрастом, сколько сохранностью. Вокруг замочной скважины не было свежих царапин, краска держалась ровно, а латунная скоба была отполирована там, где её обычно обхватывала рука. Павел потянул за неё и, почувствовав сопротивление, упёрся ладонью в косяк: разбухшее полотно могло держаться крепче любого замка. Тогда изнутри донёсся стук, за которым последовал негромкий шорох, будто по линолеуму передвинули стул.

Он отпустил скобу и прислушался. Рабочий не видел здесь жильцов с прошлой недели, но кто-нибудь вполне мог вернуться. В прошлом году они нашли в расселённом доме мужчину, который каждую ночь приходил спать в свою прежнюю кухню; квартиру ему дали в другом районе, а здесь по утрам ждали собаки, которых он кормил несколько лет. Если в этой квартире оставалась та самая женщина, Володе предстоял неприятный разговор с заказчиком. Павел отступил от двери и постучал костяшками пальцев.

— Есть кто дома? Я инженер, обследование провожу.

Шорох приблизился, и женщина спросила, кто пришёл. Голос был пожилой, с дыханием между словами; Павел повторил погромче, что проверяет стены и перекрытия, назвал контору и спросил, живёт ли она здесь. Вместо ответа женщина поинтересовалась, от Сергея ли он. Павел сказал, что приехал по договору с собственником, но это, кажется, ничего ей не объяснило: за дверью помолчали, затем щёлкнул замок, а за ним второй, тугой, который пришлось поворачивать с остановками. Он отошёл ещё немного, чтобы не пугать её, когда она откроет, однако дверь осталась на месте.

— Вы фамилию скажите, — попросила женщина.

— Лебедев. Павел Андреевич. У вас есть куда переехать? Дом уже отключили, здесь оставаться нельзя.

Она выдохнула так, будто он наконец сообщил что-то хорошее. Павел сразу пожалел, что назвался: теперь придётся объяснять, почему он не может решить её вопрос, искать номер сотрудницы из управления и стоять здесь до приезда Володи. Он достал телефон, но прежде, чем успел открыть контакты, услышал:

— Паша, ты ключ принёс?

Он посмотрел на связку, которую всё ещё держал вместе с фонарём, и объяснил, что у него только ключи от подъезда и подвала. Женщина ответила, что спрашивает про маленький, который сама ему давала, после чего замолчала, ожидая ответа. Возможно, она приняла его за другого человека; Павел даже оглянулся на лестницу, словно там мог находиться тот, кого она ждала, и спросил, встречались ли они раньше.

Вместо ответа послышалось неровное дыхание с коротким посвистом. Так дышала его мать после последней больницы, когда разговор начинал её утомлять, и от этого сходства Павлу стало неудобно. В воскресенье он отвёз ей продукты, проверил таблетки в коробке на подоконнике и остался на чай; сейчас она, должно быть, сидела в своей квартире на Полевой перед телевизором. Он неожиданно захотел ей позвонить, хотя до разговора за этой дверью собирался сделать это вечером.

— Вы, наверное, другого Павла ждёте, — сказал он. — Я впервые к вам пришёл.

— Серёжа тебе сказал так отвечать?

Павел спросил, кто такой Серёжа, но снаружи в эту минуту заработал компрессор. Шум поднялся по лестничному пролёту и заполнил коридор; пришлось приблизиться к двери, чтобы расслышать женщину.

— Твой брат, — сказала она. — Я же просила тебя одного приходить.

Он хотел возразить, что братьев у него нет, однако ручка с другой стороны повернулась, и внимание переключилось на узкую полоску света под дверью. До сих пор он принимал её за отражение фонаря, но теперь видел, что свет идёт из квартиры: тёплый, желтоватый, как от обыкновенной лампочки в прихожей. Павел вспомнил про отключение в понедельник и про времянку, которая, со слов рабочего, в дом не заходила. Можно было предположить отдельный провод, протянутый из окна, но за эту мысль он ухватился слишком поспешно и понял это ещё до того, как женщина потянула дверь на себя.

Полотно отошло от косяка и остановилось с металлическим звяканьем. Через щель Павел увидел край выпцветших обоев и полоску коричневого линолеума, а саму женщину разглядеть не успел: она стояла за дверью и продолжала тянуть, отчего старые петли поскрипывали.

— Опять заела, — сказала она. — Паша, помоги, у тебя раньше получалось.

Он упёрся ладонью в полотно, решив, что его держит порог, но при первом же нажиме почувствовал натяжение и опустил фонарь. Между дверью и косяком была цепочка с крупными плоскими звеньями, настолько короткая, что просунуть руку в прихожую не получилось бы. Женщина по ту сторону ещё раз попросила помочь; Павел собирался сказать ей, чтобы она сначала сняла цепочку, когда луч скользнул по крепёжной пластине. Оба шурупа, державшие её, находились перед ним, в коридоре, и конец цепочки тоже был закреплён снаружи, на этой стороне двери.

Глава вторая

Павел ещё раз провёл фонарём по креплению. Пластина была привинчена к косяку, а плоский конец цепочки входил в прорезь на дверном полотне; если немного прикрыть дверь, его можно было выдвинуть вверх и освободить. Обычная цепочка из тех, которыми когда-то заменяли глазок, только кто-то поставил её снаружи. Из квартиры по-прежнему тянуло теплом, и за запахом подъезда он различил другой, домашний: жареный лук и влажную шерсть.

— Вас заперли? — спросил он.

— Ты сначала открой, потом поговорим. Я у окна стояла, видела, как ты приехал.

Он попросил её отойти и положил пальцы на пластину. Металл был так холоден, что он сразу убрал руку. Это озадачило его сильнее крепления: в подъезде было прохладно, однако не настолько, чтобы цепочка обжигала. Женщина тоже отпустила дверь, и в щели появилось что-то прямоугольное, обёрнутое прозрачным пакетом.

— На, посмотри. У меня других не осталось.

Она держала фотографию за угол, и Павел, пытаясь осветить её, невольно приблизил лицо к щели. Двое мальчиков стояли возле старого мотоцикла. Старший сидел боком на бензобаке, младший держался за его колено; за ними виднелась стена с водосточной трубой и открытая дверь подвала. Павел узнал себя не сразу. Сначала узнал куртку с широкими светлыми полосами на рукавах, потом наклон головы, с которым он смотрел на солнце на всех детских снимках. Чужой мальчик был худой, длинноногий, с разбитой нижней губой, и смотрел в объектив с выражением терпения, знакомым Павлу, хотя он не мог сказать откуда.

— Это где снято?

— Во дворе. Андрей снимал, перед тем как мотоцикл продать.

Женщина назвала его отца так, будто они недавно разговаривали. Павел поднял телефон, включил камеру и сделал снимок, стараясь захватить фотографию целиком. Руки начали мешать друг другу: фонарь, связка ключей, телефон. Он хотел попросить женщину подержать карточку ровнее, но вдруг понял, что уже несколько минут говорит с человеком, запертым в отключённом доме, и при этом не позвал никого на помощь.

— Сейчас придёт человек с участка. Мы дверь откроем. Как вас зовут?

— Нина Михайловна. Ты что, совсем меня не помнишь?

— Я за помощью схожу. Вы подождите здесь.

Она вздохнула, и в этом вздохе было больше усталого недовольства, чем испуга. Павел отступил, убрал фонарь в карман и пошёл к лестнице. Позади негромко закрылась дверь. Он считал шаги до поворота, не зная, зачем это делает; получилось двенадцать, хотя обычно ему хватило бы восьми. На ладони остался белый след от холодного металла.

Рабочего он нашёл у компрессора. Тот назвал себя Юрием и сначала решил, что речь идёт об инструменте, запертом в одной из квартир, но, когда Павел объяснил про женщину, перестал наклоняться над шлангом.

— Я вчера тут до шести ходил. Кто её впустил?

— Не знаю. Возьмите отвёртку, там снаружи цепочка.

Юрий принёс из бытовки плоскую отвёртку и пошёл за ним, на ходу вспоминая, не оставляли ли второй комплект ключей электрикам. В подъезде он поднялся первым. Павел следовал за ним, чувствуя нелепое желание остановить человека перед последней ступенькой и сначала посмотреть самому. Вместо этого он показал рукой вправо и сказал, что дверь в конце.

Коридор оказался коротким. Юрий подошёл к торцу, потянул фанерное полотно без номера и заглянул внутрь; за ним была пустая кухня с выбитым окном. Павел постоял у лестницы, затем прошёл следом, проверил стену слева и вернулся к окну. Его папка всё ещё лежала

на подоконнике, раскрытая на втором этаже, а чуть ниже застряла снятая рама, через которую он переступал.

— Тут? — спросил Юрий, проводя отвёрткой по разбитому замку. — Здесь только голуби живут.

Павел достал дальномер. Луч упёрся в кухонную дверь, прибор показал пять двадцать один. Он сделал несколько измерений с разных мест, пока Юрий терпеливо стоял у стены, и ни разу не получил больше пяти с половиной метров.

— Я не в том доме бывал, что ли? — сказал Павел и попробовал улыбнуться. Юрий улыбку не поддержал.

Они проверили третий этаж, потом спустились на первый и осмотрели квартиры, в которых Павел уже был. Ванная с шелухой нашлась сразу. На втором этаже, слева от лестницы, осталась семёрка, написанная маркером, но другой двери с тем же номером нигде не было. Юрий предложил посмотреть подвал; Павел отказался, сказал, что сначала позвонит Володе, и вышел на улицу.

Воздух показался ему слишком ярким. На площадке заработал двигатель погрузчика, кто-то перекликался возле соседней бытовки, и всё это было настолько обычным, что рассказ о цепочке уже трудно было произнести. Он открыл фотографию. Эмалированный номер попал в кадр, край чужой руки с фотокарточкой тоже; на маленьком экране различались оба мальчика и мотоцикл. Павел увеличил изображение до отдельных квадратов и снова уменьшил. На этот раз его испугало не лицо второго ребёнка, а то, что он совершенно не помнил сам день съёмки.

Володя приехал в десять двадцать, вылез из белого внедорожника с телефоном у уха и махнул Павлу, чтобы тот подождал. Пока начальник участка заканчивал разговор, Павел позвонил Марине и попросил забрать заказ. Она спросила, что случилось, он ответил, что на объекте задержка, и услышал, как она сдержалась от привычного замечания.

— Заберу. Маме сам отвезёшь, я вечером работаю.

— Спасибо. И ещё... Я потом расскажу.

С Володей он прошёл дом второй раз. Тот мерил коридор собственной рулеткой, внимательно смотрел план и ни разу не сказал, что Павел что-то выдумал. У фотографии задержался дольше, чем требовалось, потом спросил, не синхронизировалась ли камера с каким-нибудь старым архивом снимков. Когда Павел показал дату и соседние кадры, Володя вернул телефон, вытер ладони о брюки и предложил закончить обследование завтра.

— Ты сам на себя не похож. Ночью спал вообще?

— Спал. Кто такая Нина Михайловна?

Володя застегнул рулетку на пояс, хотя перед этим держал её свободно в руке.

— Домоуправ раньше. Здесь таких несколько было. Давно никого из них нет.

— Последняя жительница тоже Нина?

— Последняя Антонина Борисовна, она на Гоголя переехала. Если нужно, с ней поговоришь. Только в заключение пока никакую Нину не вписывай, мы сначала разберёмся.

Павел не ответил. В машине он сохранил фотографию в отдельную папку и отправил её Марине без пояснения, а затем открыл бланк обследования и вписал карандашом измеренные размеры: оба, через точку с запятой. Когда он закончил, на белой полоске ладони проступило красное пятно, похожее на след от тесного ремешка.

Глава третья

Мать ждала его к семи и успела дважды позвонить. Павел приехал с лекарством и продуктами, которые Марина добавила к пакету, хотя он её не просил; среди упаковок лежала записка с режимом приёма, переписанным из назначения врача. Он поставил всё на кухонный стол, выслушал, что хлеб она уже купила и яблоки ещё остались, затем убрал продукты в холодильник. Пока он возился с пакетом, Галина Петровна рассказывала про соседку сверху, у которой всю ночь работала стиральная машина. Павел кивал, находясь ещё на Лесной, и только когда мать спросила, кто обжёт ему руку, понял, что должен перестать думать и начать слушать.

— Об железку задел. Мам, я сегодня одну фотографию нашёл. Можно покажу?

Он положил телефон перед ней, перевернув экран так, чтобы матери не пришлось наклоняться. Она придвинула очки, некоторое время разглядывала снимок, затем коснулась пальцем старшего мальчика.

— Это перед продажей. Он ведь уже тогда не заводился... Серёжа всё просил оставить.

Павел почувствовал, как напряглись мышцы под нижней челюстью. Он приготовился к разным ответам: сын соседей, двоюродный брат, мальчик с фотографии, которую женщина по ошибке приняла за семейную. Мать назвала имя так просто, что готовых вопросов не осталось.

— Какой Серёжа?

Она посмотрела на него поверх очков, а потом на телефон. Выражение её лица изменилось прежде, чем она успела ответить; губы приоткрылись, будто во рту вдруг стало трудно дышать. Галина Петровна отодвинула снимок и начала поправлять край скатерти, разглаживая складку, которой не было.

— Я перепутала. У Нины племянник был. Тебе сколько здесь, семь?

— Здесь мне девять. Мотоцикл папа продал перед переездом, в девяносто четвёртом. Ты только что сказала, что Серёжа просил оставить.

— Ну, просил. Я же сказала, у Нины мальчик был.

Он спросил, кто такая Нина, и мать ответила, что уже не помнит. Павел видел, что это неправда, но не понимал, зачем она лжёт. Галина Петровна вытерла сухие руки о полотенце, поставила чайник и достала третью чашку, хотя на кухне их было двое. Когда заметила её, убрала обратно так торопливо, что фарфор стукнул о дверцу.

Павел не стал спрашивать про чашку. Он посидел с матерью ещё двадцать минут, поговорил о приёме у врача, проверил, заряжен ли её телефон, и перед уходом попросил старые альбомы. Она сказала, что они в антресолях, но там пыль, лучше в другой раз; тогда он принёс стул и достал картонную коробку сам. Мать стояла в дверях кухни и смотрела, как он стряхивает с неё серый налёт.

— Паш, не надо сегодня. Ты устал, я вижу.

Он опустил коробку на пол, чувствуя, что сейчас или послушается, или скажет то, после чего обычный разговор между ними станет невозможен. Поэтому он попросил разрешения забрать её на пару дней, дождался кивка и обнял мать. Она не прижалась к нему, как делала всегда, а положила ладонь на затылок и придержала, словно он был ребёнком, который собирался шагнуть не туда.

Марина вернулась со своей смены после девяти. Она работала в лаборатории районной больницы и весь день провела у прибора, который то выдавал ошибку, то вновь начинал работать. Павел накрыл ей ужин, рассказал про дом и лишь потом выложил на стол альбомы. Она выслушала его, не перебивая, но, когда он произнёс имя Сергея, попросила ещё раз объяснить последовательность: кто назвал его первым, в какой момент мать увидела снимок и говорил ли Павел ей заранее, что сказала женщина.

— Нет. Я только фотографию показал.

— Тогда это уже не просто похожий мальчик, — сказала Марина. — Но ты же понимаешь, что по фотографии мама могла вспомнить кого угодно. И что в доме мог быть второй выход, лестница, пристройка. Давай отдельно то, что ты видел, и отдельно то, что предполагаешь.

Они открыли альбом. В начале были родители молодыми, затем Павел в коляске, Павел на руках у отца, Павел с матерью у моря. На нескольких страницах между снимками оставались пустые прямоугольники с четырьмя бумажными уголками; в других местах карточки не вынимали, а обрезают так, что на краю оставались чужое плечо или локоть. Марина поднесла один снимок к лампе и показала Павлу кривой срез, почти незаметный на тёмном фоне.

— Это делали дома ножницами. Не в фотолаборатории.

Под последним снимком, где они сидели у ёлки, сохранилась надпись отцовским почерком: «Мальчишки, декабрь 1993». В кадре Павел был один. Он попробовал вспомнить ту ёлку — запах хвои, стеклянного зайца, которого мать не давала трогать, — и вместо комнаты увидел чью-то спину в свитере с распушенной горловиной. Воспоминание исчезло, когда он попытался разглядеть лицо.

Марина долго смотрела на надпись. Затем принесла свой ноутбук, сохранила снимок из дома на отдельную флешку и попросила Павла записать всё, что произошло утром, не редактируя и не подбирая объяснений. Он писал до половины первого, а она рядом снимала каждую страницу альбома. В какой-то момент Павел услышал, как она сказала себе под нос: «Господи, зачем же так», — и понял, что уже не один пытается заполнить пустое место.

Перед сном он позвонил матери. Она ответила не сразу, а когда подняла трубку, спросила, запер ли он дверь. Павел сказал, что запер, и хотел пожелать спокойной ночи, но Галина Петровна произнесла так тихо, что он попросил повторить:

— Изнутри запер? Ты проверь, чтобы изнутри.

Глава четвёртая

Утром Павел сообщил начальнику конторы, что на объекте обнаружено расхождение с планом и ему потребуется инвентарное дело. Дмитрий попросил фотографии, полистал их на своём экране и спросил, почему вместо трещин на стенах видит детский снимок. Павел объяснил, что в квартире мог оставаться человек, но не стал говорить о брате. Начальник выслушал, распечатал письмо в архив и подписал его, заметив, что лишние квадратные метры заказчик оплатит охотнее, чем лишние разговоры.

Архив занимал первый этаж бывшего общежития. Зоя Степановна, сидевшая за стойкой приёма, долго искала Лесную в каталоге, потом спросила, идёт ли речь о доме с круглым окном над входом. Павел кивнул, и она отложила карточку отдельно.

— Я там ребёнком жила, в соседнем. Этот всё сносить собирались. Двадцать лет назад собирались, потом ещё раз.

Она принесла две папки. Последняя инвентаризация была в 1994 году; на титульном листе стояла фамилия отца Павла, рядом — подпись, которую он узнавал даже на выцветших открытках. Андрей Лебедев работал тогда в бюро технической инвентаризации. Павел знал это, но связь между отцовской работой и домом всё равно оказалась неожиданной: до вчерашнего дня Лесная была для него одним из множества адресов, по которым пришлось ездить этой осенью.

В деле лежал акт приёма освобождённых помещений. Семьи переводили в соседние квартиры и в два новых дома на Полевой, часть проходов закрывали, оставшиеся комнаты присоединяли к официально существующим квартирам. В строке о наличии жильцов было написано: «На момент осмотра отсутствуют». Ниже стояли три подписи. Отцовская шла первой; вторую Павел не разобрал, а возле третьей нашёл печатную фамилию: «Рябинин В. А., представитель подрядчика».

Такую фамилию носил Володя.

Павел перелистал приложение. Коридор на втором этаже зачеркнули синими чернилами, на месте его дальней части нарисовали штриховку, обозначающую капитальную стену. Однако в старом плане, датированном ещё концом сороковых, там был проход, а за ним небольшая квартира с кухней без наружного окна. Её номер — семь — повторялся в общей нумерации после ремонта. Павел приложил линейку и получил примерно те самые три метра двадцать сантиметров.

— Можно это всё снять?

Зоя Степановна принесла ему чистый лист, на котором попросила написать номера страниц. Пока Павел выписывал их, она просматривала вторую папку — ведомости переселения, переданные вместе с делом, — и внезапно остановилась.

— А вы Лебедев какой? Того Андрея сын?

— Да.

Она показала запись о семье из четырёх человек: Андрей, Галина, Сергей и Павел. Возле старшего сына стоял год рождения, 1979, возле младшего — 1985. У всех, кроме Сергея, был вписан новый адрес на Полевой; его строку оставили пустой. Павел провёл пальцем по своей фамилии и увидел рядом с ней пометку «выбыл с родителями», которую можно было прочесть и как «выжил с родителями». Он убрал руку, чтобы не стереть карандаш.

— В домовое его нет, — сказала Зоя. — Я уже посмотрела, пока вы с планом сидели. Там лист вырван. Но эту ведомость составляли отдельно, для распределения квартир. Она у нас в другом фонде лежала.

Павел попросил справку, заверенную копию, всё, что она могла дать официально. Архивистка не торопила его и не задавала вопросов о причинах. Только когда он начал фотографи-

ровать акт, она сказала, что однажды Андрей приезжал сюда один и просил дело; сидел за тем же столом до закрытия, а уходя, забыл перчатки. Это было зимой, после которой он больше не появлялся.

— В двенадцатом? — спросил Павел.

— Кажется, да. Я ещё удивилась, что он такую старую папку взял.

Отец умер весной 2012 года. Павел помнил похороны, серую землю на кладбище и мать, которая всю дорогу домой держала в кармане его очки, но не помнил, чтобы отец перед смертью ездил в архив. Он переписал все три фамилии из акта и спросил про Нину Михайловну. Зоя нашла её в приложении: Гущина Н. М., ответственный квартиросъёмщик, освобождение помещения подтверждено личным заявлением.

— Она потом на Гоголя жила. Умерла давно, в седьмом году. Я её дочь знаю, та у нас в читальном зале работала.

На секунду Павлу захотелось рассказать ей всё, вплоть до света под дверью, и попросить принять решение за него. Вместо этого он спросил, сохранились ли более старые дела по дому, и договорился прийти после обеда следующего дня. Выходя, он заметил, что Зоя кладёт ведомость переселения отдельно от остальных бумаг, в новую папку с тесёмками.

Мать он набрал с парковки. На этот раз не стал начинать с фотографии и не оставил ей возможности назвать мальчика соседским племянником.

— Мам, я нашёл документы. Сергей Андреевич Лебедев, семьдесят девятый год. Мы жили на Лесной. Почему ты мне не сказала?

Она долго молчала. Павел слышал телевизор, затем щелчок выключателя; когда мать заговорила, голос был ровный, словно она заранее приготовила фразу, но до сегодняшнего дня ни разу её не произнесла.

— Приезжай. Только Марину возьми. Мне одной тебе это трудно говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.